

В.Р. Новоселов

ДУЭЛЬНЫЙ КОДЕКС: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ДУЭЛИ ВО ФРАНЦИИ XVI ВЕКА

Дуэль относится к разряду популярных исторических сюжетов, привлекающих внимание не только историков-профессионалов, но и широкого круга публики, знакомого с темой дуэли в первую очередь по историческим романам и кинофильмам, которые и формируют определенный стереотип ее восприятия. Можно утверждать, что в современном массовом сознании дуэль прочно ассоциируется с такими понятиями, как благородство, дворянство, честь и справедливость. Дуэль воспринимается как своего рода ритуал, принятый в дворянской и офицерской среде, "честная игра", где равные возможности противников и принцип взаимоуважения заложены в сами правила поединков - дуэльный кодекс. Такое представление о дуэли во многом обязано той модели поединка, которая сложилась в Европе к концу XIX в., когда результатом дуэли все реже становился серьезный физический ущерб, причиняемый участниками друг другу. Сатисфакция подразумевает само обращение к дуэли, а не кровопролитие.

Однако дуэль, как любое историческое явление, за свою более чем четырехвековую историю претерпевала существенные изменения, дуэльные правила трансформировались в зависимости от времени и региона. Поэтому в правилах и практике дуэлей можно найти черты, характеризующие конкретную историческую эпоху и страну, выявляющие модель мировоззрения той группы населения, которая имела непосредственное отношение к участию в поединках. В первую очередь речь идет о дворянстве и военных (прежде всего офицерском корпусе), поскольку именно среди этих социальных групп дуэль всегда была наиболее распространенной, а ее традиция наиболее устойчивой.

Временем и регионом, где дуэль получила наиболее массовый характер и достигла пика своего развития является Франция рубежа XVI-XVII вв.

В исторической литературе хорошо известна следующая цифра: за неполных 20 лет правления Генриха IV на поединках по разным подсчетам погибло от 6 до 10 тыс. дворян, было роздано более 7 тыс. королевских прощений дуэлянтам. По свидетельству Франсуа де Ла Ну, в его время от дуэлей во Франции ежегодно гибнет больше дворян и солдат, чем их погибло бы в случае большого сражения¹. Этот феномен "дуэльной лихорадки", поразившей французское дворянство во второй половине XVI — первой половине XVII в., современные исследователи западноевропейского дворянства справедливо связывают с комплексом кризисных явлений, охвативших общество той эпохи. Такие исследователи французского дворянства, как А. Жуанна, Ф. Биллакуа, трактуют дуэль как форму реакции дворянства на происходящие в обществе изменения, как протест против усиления роли госу-

дарства и возвышения групп элит, связанных с развитием и усложнением функций государственного административно-бюрократического аппарата². В обстановке размывания сословных границ и смены ценностных ориентиров общества функция дуэли, ее значение для дворянства - это способ самоутверждения и защиты своего статуса и публичной репутации, метод сведения счетов, средство обратить на себя внимание, в частности знатных особ из карьерных соображений, вид спорта, игра и мода, популярный в среде дворянской молодежи стиль жизни и поведения. В дуэли реализовалась своего рода частная война, заменяя судебный поединок, хотя и на дуэль и на судебный поединок монархией фактически был наложен запрет. В дуэли можно усмотреть и вызов общественным представлениям о морали, и ценностям христианской этики, поскольку дворянская честь ставилась выше не только законов государства, но и заповедей Христовых. А еще дуэль - это вызов новой возвышавшейся элите - людям мантии и их моральным ценностям; вызов самим основам государства, поскольку она ставила под сомнение авторитет монархии и правомочность ее правосудия вторгаться в вопросы чести, являющиеся внутренним делом дворянского сообщества.

Мотивация дуэли, какими бы ни были ее конкретные причины и поводы, всегда подразумевала исключительно защиту персональной дворянской чести конкретного индивида³. Реальные основания дуэли при этом могли варьироваться от таких серьезных поводов, как месть за убитых друзей или родственников, до элементарной мелкой ссоры из-за неосторожного слова или даже жеста собеседника. И в случае смертельной обиды, и в случае ссоры из-за пустяка дуэль велась с одинаковым ожесточением, и смертельный исход являлся скорее нормой, чем редким исключением. Если представить дуэль как своего рода "диалог" между дворянами, то в манере их "общения" на поединке должны были отражаться психологические установки, присущие обычной повседневной жизни. Таким образом, дуэль можно трактовать как модель мировоззрения французских дворян XVI в.; очевидно, в экстремальной ситуации выбора между жизнью и смертью проявлялись наиболее существенные черты ментальности дворян той эпохи.

С начала XVI в., когда судебные поединки и единоборства рыцарей на войне случались все реже и реже, был зафиксирован новый вид поединка - *bataille a la mazza* (поединок в кустарнике) или же *bataille en bestes brutes* (поединок на манер животного). Все современники, авторы Дуэльных трактатов и ревнители рыцарских традиций, каким бы ни было их отношение к этому новому типу боя, едины в определении места его рождения - Италия, Неаполитанское королевство⁴. В первом случае название поединка происходит от неаполитанского названия кустарников, образующих заросли, в которых обычно проводили эти поединки. Второе название отражает суть подобного боя: драться так, как дерутся дикие звери - до смерти и без пощады⁵. Родоначальниками этого типа поединка в XVI в. считали итальянцев⁶. В итальянских городах

аристократизация городских нотаблей, формирование нефеодалных кланов, стремление встать вровень с традиционной элитой породили в их среде обостренное чувство чести. И. Клула именно с этим связывает рост в Италии, прежде всего Неаполе и Тоскане, числа стычек между враждующими сторонами, поединков и убийства. Они не имели никакой политической подоплеки, в их основе - месть за нанесенное оскорбление, в частности за уязвленную честь⁷.

Если сравнить правила поединка *a la mazza* и предписания наиболее популярных во Франции авторов дуэльных трактатов - Жан-Батиста, Поссевино, Париса де Путео, Андре Алсиато или Джироламо Музио (середина XVI в.), то окажется, что между этой практикой и теорией дуэлей существует весьма значительный разрыв. Например, Музио был вынужден констатировать, что описанные им правила, весьма близкие к рыцарским куртуазным правилам прошлого, выходят из употребления. Прямо о *bataille a la mazza* и *bataille en bestes brutes* Музио не говорит, его замечания об этих типах поединка отрывочны, он упоминает о них только в тех случаях, когда налицо явное расхождение их правил с канонами. По сути, для него *bataille a la mazza* не новый вид поединка, а вульгарное отклонение от нормы, не имеющее никакого отношения к поединку защиты чести⁸. Основные отличия новой дуэли Музио видит в следующем:

1. Отказ от публичности - эти поединки ведутся в лесах и иных пустынных местах⁹.

2. Отказ от защитного вооружения и изменение оружия поединка. На этом стоит остановиться подробнее. В идеале Музио считал подобающим оружием для поединка исключительно рыцарское, то, которое рыцари используют на войне. Однако совершенствование оружия ставит его в тупик. Например, Музио не знает ответа на вопрос, допустимо ли использование в поединке кабассета (открытого шлема без задней части) или же тонкого колющего меча. Но что, на его взгляд, абсолютно недопустимо, так это отказ от доспехов. Музио называет две причины отказа от доспехов - техническую и концептуальную. Без доспехов дуэлянт мог легко двигаться и максимально использовать приемы борьбы - это техническая причина. Концептуально - сделать неминуемой смерть одного из участников, в чем Музио видит не просто презрение к смерти, но и добровольный отказ от жизни, что является грехом перед Господом¹⁰.

3. Свое внимание к иерархии различных степеней знатности людей чести Музио обосновывает неприятием новой моды - не соблюдать ранги. Особенно это касается военных, которые должны помнить о недопустимости поединка между начальником и подчиненным, - они могут драться только вне службы, например после отставки. Солдат имеет право вызвать на поединок сержанта и капитана, но те имеют право отказаться. Право солдата на поединок Музио обосновывает тем, что оружие аноблирует в том случае, если военная профессия - единственное занятие человека как в мирное, так и военное время. В поединке

следует соблюдать иерархию знатности — *serenissimes - illustrissimes - illustres*. Менее знатный не может вызвать более знатного¹¹.

Проблему легитимности таких правильных поединков Музио не затрагивает вообще, поскольку для него приемлем только рыцарский поединок, соответствующий рыцарским нормам. Запреты государей на поединок, по его словам, подвергают рыцарей опасности бесчестия и клеветы. Было бы честнее не запрещать, а требовать, чтобы никто не смел искать поединка без разрешения своего сюзерена. Отказ сюзерена предоставить право на поединок в случае преступления, наказуемого смертью, или же для защиты репутации, согласно концепции Музио, неправомочен, что объясняется следующей логикой. Честь почитается благородными людьми более жизни. Вопрос чести не менее важен, чем гражданский или уголовный процесс. Монарх может восстановить положение человека, дать ему должности, имущество, свою милость, сделать его бедным или богатым, но он не может сделать его хорошим или плохим, поскольку только Бог хозяин человеческой воли. Честь вне власти государя, поскольку у него нет юрисдикции над духом¹².

Пожалуй, единственное отступление от древних предписаний, которое Музио допускал, касалось наказания проигравшего в поединке. Наказанием проигравшему служит не его ранение или смерть, а потеря им чести, что уже само по себе гораздо хуже, нежели отсечение члена или потеря жизни. Дети опозоренного не должны нести на себе грех родителя¹³. Таким образом, для Музио поединок по-прежнему форма восстановления справедливости и правосудия, принятая среди рыцарей и людей чести.

Теперь посмотрим, как интерпретирует поединок защиты чести французский мемуарист Пьер де Брантом; он единственный из многочисленных французских авторов дуэльной и антидуэльной литературы XVI в., кто в "Размышлениях о дуэлях" подробно описал сами поединки и комментировал их правила. Большинство этих поединков относятся к периоду от правления Франциска I до начала правления Генриха IV. Часто описания этих дуэлей служили для него иллюстрациями к тому или иному мнению, которого придерживалось "общество" (имелось в виду сообщество дворян и военных), или же, наоборот, - иллюстрациями отступления от общепринятых норм. Поскольку Брантом старался запечатлеть подробности запомнившихся ему эпизодов, хорошо известных его современникам, он не заботился о хронологии, и далеко не всегда представляется возможным ее установить. Чаще всего они просто привязаны ко времени правления королей или какому-нибудь событию, например военной кампании или сражению.

По словам Брантома, он пишет "о том, что слышал по этому поводу (дуэлей. - Н.В.) в разговорах между собой великих капитанов, сеньоров, бравых солдат". Больше всего их интересовало, насколько должна практиковаться куртуазность и должна ли она вообще присутствовать в дуэлях, сражениях, судебных поединках, стычках и вызовах¹⁴. Поэтому у Брантома в описании конкретных поединков и в комментариях к ним

мы, на мой взгляд, можем обнаружить ту картину дуэли, которая виделась самим дворянам-дуэлянтам (многие из них были его друзьями или хорошими знакомыми).

Историограф Генриха IV Сципион Дюплеи посвятил правилам поединков трактат. В нем много внимания уделено принципам, которыми дворяне мотивировали те или иные положения дуэльного кодекса¹⁵. Коллективные представления дворян о правилах поединка в изложении Брантома и Дюплеи весьма близки друг другу, оба опирались на сложившуюся во Франции практику, а не теоретические воззрения итальянских авторов дуэльных трактатов.

По признанию Дюплеи знакомство французов с *bataille a la mazza* и *bataille en bestes brutes*, в том числе интересовавшихся дуэлью потенциальных авторов мемуаров, в частности Брантома, произошло во время походов в Италию Людовика XII, а затем Неаполитанских экспедиций Одетта де Фуа, сеньора Лотрека (1527-1528) и Неаполитанского похода Франсуа де Гиза (1557)¹⁶. Этому знакомству способствовало и то, что контингент итальянских наемников во французских войсках в Италии составлял весьма значительную часть.

Новый тип поединка быстро и широко распространился во Франции уже в начале 30-х годов XVI в., о чем свидетельствуют ордонансы Франциска I 1532 и 1539 гг. о правилах ношения оружия в королевстве; дуэли стали повседневным элементом военного и дворянского быта. Несмотря на то что при Франциске I судебный поединок был абсолютно легитимен, множилось число дворян, выбиравших более простые методы сведения счетов в бою. В своих ордонансах Франциск I пытался напомнить дворянству, что "если его подданные ввязались в ссору, защищая честь, и ссора эта не может быть улажена правосудием, они должны обращаться к королю с соответствующим ходатайством и получить от него разрешение на поединок"¹⁷. Тем не менее благие королевские пожелания относительно того, "чтобы каждый мог чувствовать себя уважаемым и пребывать в безопасности в своем доме и вне его без оружия так же хорошо, как с оружием"¹⁸, остались только на бумаге. Почти все описываемые Брантомом дуэли периода Итальянских войн со времени правления Франциска I до конца правления Генриха II велись в большем или меньшем соответствии с новыми итальянскими правилами. Дух этих поединков был уже весьма далек от рыцарского куртуазного единоборства и идеи восстановления законной справедливости. Середина XVI в. стала периодом динамичного развития дуэли, этапом формирования традиций и норм, которые без серьезных изменений просуществовали в дальнейшем вплоть до середины XVII в.

Брантом стремился понять, чем дуэль отличается от прочих разновидностей поединка. При этом влияние на дуэль новых правил, весьма схожих с правилами ведения войны, было для него очевидно: "Есть ли различие между поединком церемониальным, обусловленным и торжественно обставленным судьями, распорядителями поля, секундантами и конфидентами, и поединком, который проводится с нарушениями и без

публики, в полях - здесь, где все от войны"¹⁹. Главную отличительную особенность первого он склонен видеть не столько даже в его легитимности и публичности, сколько в куртуазности: «Как в боях "до крайности", о которых я писал ранее, мало куртуазности, так в боях *a la mazza* и вызовах ее тоже мало"²⁰. Как и на войне, в поединке чести понятие "куртуазность" - это вполне конкретный неписанный свод правил, регулирующих действия противников в отношении друг друга. Есть то, что дозволено и то, что запрещено, - этим нормам все участники дуэли обязаны подчиняться. Какова же модель поведения дуэлянта в интерпретации Брантома и других авторов, как эта модель соотносится с моделью поведения дворянина и военного? Как законы чести реализовались непосредственно в дуэли?

Первое, что резко отличает французские дуэли от поединков прошлого и даже дуэлей итальянцев - это цель. Согласно Брантому, когда неаполитанские поединки вошли в практику французам, ни о какой пощаде не могло быть и речи: следовало либо убить противника, либо самому пасть на поле боя. Часто изранив друг друга, но не прекращая поединка, оба участника погибали, "поскольку, когда идут на это дело, настолько входят в раж, движимые азартом, досадой и мезтью, что часто либо одного убивают с первого удара, либо оба остаются на поле мертвыми"²¹. Вполне допустимым считалось убийство обезоруженного, упавшего или раненого противника. Исход поединка должен был быть очевидным и не вызывать сомнений в победе.

Таких поединков - со смертельным исходом и без пощады - Брантом, по его собственным словам, может назвать сотни²², но его интересует куртуазность, поэтому от описания подобных поединков он все время стремится перейти к тем, где, по его мнению, она присутствует. Однако приводимые им примеры свидетельствуют скорее об обратном. В частности, поединок, произошедший в окрестностях Рима во время Неаполитанского похода де Гиза между гасконским и итальянским капитанами. Поводом послужило оскорбление: гасконец заявил, что все итальянцы плуты. Во время поединка итальянец нанес гасконцу удар, считавшийся тогда весьма подлым, - по колену. Единственной причиной, побудившей его оставить своего противника в живых, был страх мести со стороны солдат гасконца. Брантом не советует дуэлянтам хвастать своей победой, устраивать триумфальное шествие или относить в церковь свое оружие: после этого победитель рискует не прожить и двух дней²³.

Куртуазность Брантом не причисляет к соображениям, по которым яротивнику в поединке даруется жизнь: одни не добивают лишь потому, что не вполне умеют это делать, другие страшатся призраков убитых, у кого-то просто не хватает отваги прикончить, некоторые боятся Бога или короля с его правосудием, но большинство опасается мести родни а друзей убитого²⁴. Вероятность последней была весьма велика. Даже "осле поединка Жарнака - Шатеньере, проводившегося по всем правилам и под королевским надзором, более 500 солдат, служивших под на-

чалом Шатеньере, были готовы тут же, на месте поединка, напасть на Жарнака и его секундантов. Единственный комментарий Брантома по этому поводу: "Ха! Вот если бы уже в те времена французское дворянство было так же хорошо обучено и опытно в бунтах и возмущениях, как оно это продемонстрировало в первых гражданских войнах!"²⁵

Подарить противнику жизнь, позволить упавшему встать, поднять выбитую шпагу или взять новую взамен сломанной - такие примеры благородного, с современной точки зрения поведения, Брантом в своих описаниях дуэлей приводит. Другое дело, как подобные поступки воспринимались обществом XVI в. Во времена Франсиска I Джаннино Медичи, будучи на французской военной службе, решил положить конец давней вражде двух своих капитанов: он дал им по шпаге, по половине своего плаща и запер в зале, заявив что не выпустит их до тех пор, пока они "не уладят свои разногласия". Капитаны Сан Петро Корсо и Жан де Турин взялись за дело. Жан де Турин ранил соперника в лоб, и тот не смог продолжать бой, так как кровь заливала ему глаза и лицо. Тогда Жан де Турин предложил прервать бой с тем, чтобы Сан Петро перевязал рану. После чего бой был продолжен, и уже Сан Петро выбил шпагу из рук де Турина, позволив затем ему ее поднять. В конце концов они изранили друг друга до такой степени, что были не в состоянии продолжать поединок. Но мнение всех военных обратилось против Сан Петро, который не воспользовался удачей и не убил безоружного противника, а подарил тому жизнь и тем самым презрел свою победу²⁶.

Многие авторитеты того времени считали, что победитель должен забрать оружие противника²⁷, особенно если он только ранен или признал свое поражение: это и трофей, свидетельствующий о победе, и гарантия того, что проигравший в отместку за унижение не воткнет свое оружие в спину противника, как это сделал в 1559 г. Ашон Мурон, племянник маршала Сент-Андре, предательски убив победившего в честном поединке капитана Матаса. Капитан, старый вояка, пожалел юнца, выбил у него из рук оружие и прочитал нотацию о том, что нехорошо нападать на опытных людей, едва умея владеть клинком. Когда он, повернувшись к противнику спиной, стал садиться на лошадь, тот воткнул ему в спину свою шпагу. Дело замяли, учитывая родство Мурона, а придворные, в том числе Франсуа де Гиз, не столько порицали предательский удар, сколько возмущались глупостью капитана, презревшего фортуны и оружие²⁸.

Точно так же всеобщее мнение осудило графа де Грандпре, "доблестного, как шпага", капитана пехоты, проявившего излишнюю куртуазность в поединке с квартирмейстером легкой кавалерии де Гиври (дело относится к войнам Лиги в 80-е годы XVI в.). Когда у де Гиври сломалась шпага, граф предложил ему взять другую, на что де Гиври заявил, что ему хватит и обломка, чтобы убить противника, тогда де Грандпре опустил свою шпагу и прекратил поединок. Обсуждавшие эту дуэль

дворяне и военные сочли, что граф был обязан убить соперника, который не хотел получить милость от врага. Но было бы еще лучше, если бы де Гиври убил графа за чрезмерное безрассудство и браваду²⁹.

Дарование жизни порой воспринималось как изощренное дополнительное оскорбление и унижение, многие дворяне считали, что проиграть и остаться в живых - это позор³⁰. Именно так было расценено поведение де Сурдеваля, который погрузил своего тяжело раненного противника на собственную лошадь, отвез к цирюльнику и заботился о нем до полного его выздоровления. Дело произошло во время выполнения де Сурдевалем дипломатической миссии во Фландрии, куда он, будущий губернатор Бель Иля, был послан Франциском I к Карлу V. Брантом особо отмечает, что, узнав об этом поединке, император принял француза при своем дворе и одарил его золотой цепью скорее за доблесть, чем за куртуазность. Многие в такой ситуации, по его словам, предпочитали умереть, чем быть облагодетельствованным подобным образом - слишком уж большую славу обретает победитель. Кроме того, жизнь тяжело раненному противнику могла дароваться из желания убить его в следующий раз, когда он поправится, что было благороднее, нежели бить лежащего или безоружного. Именно так собирался поступить брат Брантома Жан де Бурдель, который во время пьемонтских войн дрался на мосту в Турине с гасконским капитаном Кобио. Как пишет Брантом, среди лиц опытных до тонкости знающих законы дуэли, считается куртуазным подарить противнику жизнь в том случае, если он лежит на земле с тяжелым ранением³¹. То есть речь идет исключительно о том, чтобы не добивать того, чьи шансы на смерть и без того уже велики.

Пощада противника могла стать причиной повторных поединков, как это случилось с капитаном Отфором. Во время боевых действий в Шотландии (1548) он был вынужден трижды драться с сеньором Дюсса, который трижды был ранен и всякий раз снова рвался в бой. Если противника пощадили в первом поединке, то в повторном, согласно общепринятым правилам дуэли, следовало его прикончить, даже если он лежал на земле без оружия с тяжелым ранением и молил о пощаде, ибо не стоит искушать судьбу и Бога, отказываясь от дарованной им победы³². Вообще же считалось, что вызывать вторично на поединок человека, который подарил тебе жизнь в бою, все равно что убить своего благодетеля и второго отца. Это допускалось только в том случае, если победитель грубо оскорблял помилованного или заявлял, что тот вымолил у него жизнь или вел себя как трус³³. Наилучший же способ пощадить противника - это искалечить его так, чтобы он более никогда не мог драться: лучше всего отсечь ему руку или ногу. А чтобы он никогда не мог отрицать, что жизнь ему подарили, можно на память изуродовать ему лицо и нос³⁴. Об этом свидетельствует и Франсуа де Ла Ну, заявляя, что у французов считается за честь отрубать руки и ноги, калечить одних и убивать других³⁵.

Причину того, что поединок по итальянским правилам у французов стал по большей части смертельным, Брантом видит в том, что итальянцы, несмотря на свою кровожадность, более осмотрительны и осторожны³⁶. В мемуарах маршала Таванна в связи с описанием Неаполитанского похода де Гиза есть даже своего рода инструкция французам, как следует вести поединок, если ваш противник итальянец. Итальянцы более искусны, ловки и subtilыны, они соглашаются на поединок только в том случае, если владеют каким-нибудь хитрым приемом, который позволит свести на нет храбрость противника. Французы, по мнению Таванна, превосходят итальянцев храбростью и доблестью. Поэтому с итальянцами французам, если выбор оружия принадлежит им, надлежит сражаться пешими и в рубашках, т.е. без доспехов. В этом случае, без сомнений, победа достанется им легко³⁷.

Следствием стремления к убийству противника стало изменение арсенала дуэлянтов. Употребление доспехов еще встречается при описании поединков времен Итальянских войн, но постепенно они полностью выходят из употребления. Причин, видимо, было две: доспехи имели не все военные, и доспехи у всех были разными. Их высокая стоимость могла препятствовать установлению паритета в вооружении. По словам Брантома, поединок в доспехах мог полностью разорить одну из сторон, особенно если одна из сторон преднамеренно назначала для боя вооружение, которое вторая сторона не могла приобрести³⁸. Отказ от доспеха "демократизировал" поединок, облегчал процедуру согласования условий дуэли и позволял сократить время от вызова до боя, так как на подбор нужного оружия стало уходить меньше времени.

Оружием дуэли чаще всего служили шпага и кинжал, которые в XVI в. носили дворяне и военные независимо от своей военной специализации. Считалось, что дворянин должен прибегать к тому оружию, которое было при нем в момент вызова и которое он постоянно носил при себе, а только это оружие военные и дворяне имели право носить вне службы и находясь в городе³⁹. Обычно на дуэли сражались не только без какого-либо защитного вооружения (кольчуга или кираса), но зачастую и без камзолов и колетов, в одних рубашках или обнаженными по пояс. С одной стороны, это должно было свидетельствовать о том, что никто не прибегнет скрытно к доспехам, чтобы создать себе преимущество перед противником. С другой стороны, это демонстрировало намерение смертельного боя.

Стремление обозначить свою готовность победить или умереть стало второй и главной причиной исчезновения защитных доспехов. И здесь мнение Брантома прямо противоположно мнению Музио, который писал, что человек, идущий на войну уважаем настолько, насколько он позаботился о своей безопасности, облачившись в надежные доспехи. Поэтому для него загадка, что заставляло дуэлянтов драться без них⁴⁰. Для Брантома здесь нет никакой загадки. Победить или умереть - стремление похвальное и хорошее, но этот принцип одинаково, его можно реализовать в доспехах и без них. Но большего уважения за-

служивают те, кому защитой в бою служит только храбрость и кто не навешивает на себя грудь доспехов⁴¹.

С третьей четверти XVI в. (в период правления Карла IX) во Франции вошла в употребление рапира с длинным и легким клинком, часто пригодная только для нанесения колющих ударов, а с конца XVI в. колющая шпага и рапира стали основным дуэльным оружием, поскольку дворяне предпочитали умереть от точного удара, оставляющего маленькое отверстие, чем остаться в живых, но стать калекой или ходить обезображенным глубокими и длинными шрамами от рубящих ударов мечом или тяжелой шпагой⁴². Не случайно некоторые противники дуэлей и сторонники их ограничения, например маршал Таванн, в качестве меры, способной существенно сократить число поединков, рекомендовали запретить пользоваться шпагами и рапирами, пригодными для колющих ударов, и применять вместо них широкие тяжелые мечи и шпаги, пригодные исключительно для того, чтобы рубить, а также запретить поединки без шлемов и лат⁴³. До появления рапиры никаких различий между боевым и дуэльным оружием не было: на поединке использовали то же оружие, что и на поле боя — шпаги, одинаково пригодные для нанесения уколов и рубящих ударов. В XVII в. с развитием и совершенствованием огнестрельного оружия (появлением пистолета с колесцовым, позднее кремневым замком) распространяется дуэль на пистолетах, чаще всего между всадниками. Шпага и рапира еще долго оставались основным дуэльным оружием: Брантом вспоминает только несколько дуэлей на пистолетах, и пишет о них как о совсем недавно появившемся и мало распространенном новшестве последних лет⁴⁴.

Кардинально мнения сторонников и противников дуэли разошлись в вопросе оценки искусства фехтования, которое Ла Ну считал первой и главной причиной дуэлей⁴⁵. Все авторы единодушно признают, что фехтование бесполезно, к нему почти не прибегают на войне⁴⁶. Но при этом вопреки собственной неприязни к этому искусству ни Ла Ну, ни Таванн не отвергают фехтование как таковое.

По словам Таванна, фехтование развивает отвагу и ловкость, позволяет защитить себя и свою честь, дворянин просто обязан уметь фехтовать по причине распространенности дуэлей. Но это искусство вселяет в человека надежду убить и не быть при этом убитым, поскольку у хорошего фехтовальщика огромное преимущество над противником, а в этом, по мнению Таванна, мало чести для дворянина - он должен беречь себя для войны. Парировать и драться для собственного удовольствия умеет любой солдат и убийца, для которых это дело привычное⁴⁷.

Ла Ну тоже считает фехтование занятием полезным, а стремление добиться в нем совершенства — похвальным. Но и он подчеркивает, что чувство превосходства, ощущение силы и ловкости приводят к тому, что много возмнившие о себе молодые люди начинают бравировать своим мастерством и, как показывает практика, превращают

фехтование в средство завоевания репутации неуязвимого храбреца⁴⁸. Кроме того, добиваясь в этом искусстве совершенства, они постоянно ищут поединков для того, чтобы доказать свое превосходство над другими.

Авторы антидуэльной литературы, например Прессак и Габриэль де Треллон, склонны видеть в фехтовании некую магию, которая позволяет слабому сердцем одержать верх над более доблестным. Победа фехтовальщика приравнивается ими к победе, одержанной при помощи чар, к своего рода трусости, наподобие использования на войне амулетов и заговоренных рубашек, которые призваны спасти от арке-бузных пуль. Тот, кто занимается фехтованием, не обладает доблестью⁴⁹. Мишель Монтень тоже был уверен, что научить храбрости невозможно, успехи в фехтовании - следствие ловкости, а не природной смелости: "В годы моего детства дворяне избегали приобретать репутацию искусных фехтовальщиков, ибо она считалась унизительной, и уклонялись от обучения этому искусству, которое основывается на ловкости и не требует подлинной и неподдельной доблести"⁵⁰.

Брантом, отношение которого к фехтованию наиболее близко к ощущению самих дуэлянтов, категорически не согласен с теми авторами дуэльных трактатов, которые пишут, что победа одерживается только доблестью и достоинствами. Сам Брантом учился фехтованию в Милане и Риме у мастеров Таппа и Жака Феррона из Асти⁵¹. При описании дуэлей его среди прочего интересует уровень фехтовального мастерства их участников. Если ему что-то об этом известно или об учителях фехтования кого-либо из лиц, упоминаемых им в связи с поединком, он не забывает при этом сообщить. Для Брантома, как и для дворян-дуэлянтов, в поединке одинаково важны и доблесть и оружие⁵².

Признание того, что исход поединка во многом зависел от уровня владения оружием, по сути, означает, что смысл дуэлей был весьма далек от идеи Божьего суда. Побеждал более искусный, а не тот, на чьей стороне была правда. Кстати, в XVI в. полностью исчезает обычай вызывать соперника брошенной перчаткой или капюшоном - важнейшая ритуальная часть судебного поединка, символизировавшая готовность дуэлянта отстаивать правое дело собственным телом, залогом предоставления которого для Божьего суда и являлась перчатка⁵³. Отказ от этой традиции, на наш взгляд, далеко не случаен: никому уже и в голову не приходило, что в бою он отстаивает свою правду перед лицом Всевышнего, а не свою честь в глазах общества себе подобных.

От поединка прошлого, прежде всего судебных, дуэль XVI в. отличалась и изменившейся ролью секундантов. Теперь это не наблюдатели, призванные следить за соблюдением правил поединка, а дублирующие пары бойцов, своим оружием поддерживающие в бою двух противников. Именно такая дуэль нескольких пар сражающихся находит во Франции наибольшее распространение, при этом победитель в одной из

пар мог присоединиться к одному из своих компаньонов, после чего они дрались вдвоем против одного. Поединок мог превратиться в небольшое сражение - от 10 до 20 и более участников с каждой стороны. При этом секунданты могли не испытывать друг к другу никакой вражды, а напротив, быть друзьями.

Описание поведения такого секунданта мы можем найти одновременно и у Брантома, и Монтеня. Речь идет о поединке в окрестностях Рима в 1581 г. между французскими дворянами, гасконцем Эспереза и Ла Вилатом. Секундантом первого был родной брат Монтеня Матеку-лон. С Эспереза - виновником ссоры и своим напарником по поединку Матекулон был едва знаком, в то время как его противником и секундантом Ла Вилата был его друг барон Салиньи. Матекулон первым убил своего противника, а затем и противника Эсперезы - последний явно проигрывал⁵⁴. Законов чести Монтень, по его собственным словам, не понимает, поскольку они часто противоречат разуму и здравому смыслу. Но поведение брата тем не менее находит у него оправдание: Матекулон не имел права быть справедливым и великодушным, подвергая риску успех лица, в распоряжение которого он себя предоставил⁵⁵. Точно так же барон Бирон в начале 80-х годов на поединке с Каренси сперва убил своего противника, а затем прикончил двух его секундантов⁵⁶. Объяснение подобного поведения кроется, по мнению Циципона Дюплеи, в обычаях военных: если по обычным законам преступником является не донесший о дуэли сторонник одного из ее участников или случайный свидетель противозаконного акта, то по военным правилам нельзя оставаться безучастным, когда сражается твой товарищ по оружию, - для военных уклонение от секундантства считается позором⁵⁷. Военный должен либо разнять дерущихся⁵⁸, либо удалиться, либо прийти на помощь другу. По законам Марса, в поединке надо поддерживать товарища по оружию "до последней капли крови" (*jusques a la derniere goutte de son sang*)⁵⁹.

Тем не менее судить о своеобразной внутрикорпоративной этике в поединке можно исходя исключительно из общей ситуации исследуемого периода. В 1547 г., сразу же после своего вступления на престол, Генрих II был вынужден издать специальный ордонанс с весьма показательным названием "Против убийств, которые ежедневно происходят в нашем королевстве"⁶⁰, посвященный в первую очередь убийствам из засады (*guet-apens*) и внезапным вооруженным нападением (*пхе*). По существу, эти убийства стали своего рода заменой частной войны и могли быть вызваны самыми разными причинами - от мести за убийство до устранения более удачливого соперника в любви. По свидетельству Брантома, ежедневные вооруженные стычки между многочисленными сторонниками враждующих кланов стали обычным явлением для городов Италии, Испании, Франции середины XVI в., в итоге нередко - десятки убитых и тяжелораненых с обеих сторон⁶¹. Эти стычки порой перерастали в небольшие сражения с использованием всех видов защитного и наступательного оружия, включая огнестрельное, а ремесло на-

емкого убийцы - брави (bravi) в Италии⁶² или эспадасена (espadassin) во Франции и Испании - стало весьма доходным и широко востребованным дворянством. Брантом вспоминает, как дворян разорвала необходимость содержать за свой счет целые армии наемных убийц⁶³. В этих условиях дуэль, определявшая рамки дозволенных средств и предоставлявшая сторонам, хотя бы теоретически, равные возможности, была большим прогрессом, позволявшим создать механизм улаживания конфликтов между людьми, имевшими обыкновение пускать в ход оружие, и избежать как всеобщего беспорядка, так и лишних жертв.

Можно целиком и полностью согласиться с мнением А. Корвизье, что дуэль - это всего лишь одна из форм сведения счетов, род вендетты, принятый в отношении друг друга у людей чести⁶⁴. Необходимость мести и физического преследования обидчика ни у кого из дворян или военных не вызывала сомнения. Вопрос состоял исключительно в выборе методов. Во Франции процедура вызова на дуэль постепенно упрощалась; с 70-х годов XVI в. дело все чаще сводилось к устной договоренности без использования письменного вызова с изложением причин дуэли (картеля) или обмена посредниками, призванными договориться об условиях боя. Промежуток между вызовом и самой дуэлью мог занимать несколько минут. Возобладало мнение, что дуэль, следующая сразу же за оскорблением и вызовом, пока еще не остыли чувства, более благородна и честна, чем поединок, отложенный на некоторое время, что дает возможность улесться страстям и позволяет воспринимать ситуацию, руководствуясь разумом; но это будет уже хладнокровное и осмысленное убийство. Как пишет Брантом: "Кровь ... не может лгать и приказывает нам свершить месть каким бы то ни было образом. Но такие удары надо наносить сразу, а не хладнокровно"⁶⁵.

Благотворное влияние дуэлей на предотвращение обычных убийств никто не отрицал, но дуэли трактовались многими как нечто аморальное. Де Треллон даже сожалеет о том, что Макиавелли не написал трактат о дуэлях, поскольку эта практика очень подходит для его измышлений⁶⁶. Для Брантома поединок гуманен: на дуэли погибает один, двое, в крайнем случае несколько человек, в то время как при нападениях из засад дворяне "гибнут как мухи", чему он не раз был свидетелем⁶⁷. Однако грань между поединком и обычным вооруженным нападением была весьма зыбкой. Часто поединку не предшествовала никакая договоренность: либо обе стороны в гневе сразу хватались за оружие, либо одна из сторон своим нападением вынуждала противника к защите. Подобные поединки назывались *tencontres*. Участие в подобном столкновении осуждалось обществом значительно менее строго, нежели дуэль, если только это не было подлое убийство, когда противнику не предоставляется возможность защищаться. По словам Брантома, наиболее подлый вид нападения - внезапная атака без предупреждения, когда противника, не дав вынуть оружие, ранят, отсекают руку, протыкают насквозь, а потом, оставив полумертвым, говорят, что подарили ему жизнь. Подвергшийся такому нападению вправе отомстить любым

способом и любым *оружием*, убить своего врага хоть из пистолета, хоть из пушки⁶⁸. Хуже таких убийств только подсовывание противнику на поединке специально сломанного или некачественного оружия⁶⁹.

Если попытаться нарисовать себе психологический портрет французского дворянина-дуэлянта эпохи религиозных войн, то первое, что резко бросается в глаза, это полное отсутствие в случае конфликта желания примирения без обращения к оружию, т.е. насилию. Любое единоборство или поединок можно отнести к одной из трех категорий: бой до уничтожения, бой до поражения и бой до соглашения. Дворяне XVI в. явно предпочитали первое. Характерной с этой точки зрения является попытка примирения королем Генрихом III графа де Сен-Фалья и барона де Бюсси, прославленного А. Дюма, в качестве образца дворянского благородства. Луи де Клермон, барон де Бюсси, по словам современников, был готов драться по поводу, который уместился бы и на лапке мухи. Когда король прислал к Бюсси маршала де Ретца, чтобы добиться их с Сен-Фалем примирения, Бюсси холодно ответил: "Король хочет примирения? Я его тоже очень хочу, но скажите мне, умрет ли тогда Сен-Фаль?" В ответ на отрицание маршала Бюсси сказал: "Но какое же тогда это будет примирение? Я не хочу примирения, если он не умрет!"⁷⁰

"Гибкое" восприятие куртуазности дуэльного поведения весьма знаменательно: та легкость, с которой одобрялось любое действие, помогающее добиться победы или превосходства, далеко выходит за рамки собственно дуэльной тематики. Война, борьба - это общий закон жизни; дуэль - это модель войны, а война - модель самой жизни. По мнению Ла Ну, полностью избежать дуэлей и войны невозможно именно потому, что мужчины всегда остаются мужчинами, по своей природе склонными к ярости и мести⁷¹. К этому присоединяется представление дворянства и военных об оружии как "наиболее достойном инструменте, который поднимает человека к чести"⁷². И коль скоро честь ставится в прямую зависимость от силы оружия, обращение к насильственным методам решения абсолютно любых вопросов становится неизбежным. Как пишет Брантом, дворянину надлежит отомстить или умереть самому, но "забывать обиды, как велит Бог и его заповеди, хорошо для отшельников, а не для... истинного дворянства, носящего на боку шпагу, а на ее конце - свою честь. Следствие этого обращения к силе и оружию - неразборчивость в средствах. Сципион Дюплеи констатирует, что на войне для сбережения своих людей годится любая подлость - там она называется военной хитростью; для победы все средства хороши. Этим же принципом многие дворяне руководствуются в решении своих частных конфликтов"⁷⁴. Но наиболее ярко и откровенно эту точку зрения выразил Блез де Монлюк: "Против своего врага стрелы можно делать из любого дерева. Что до меня лично, то если я мог бы воззвать ко всем духам ада, чтобы проломить голову моему врагу, который хочет проломить голову мне, я сделал бы это с чистым сердцем, да простит мне это Господь"⁷⁵. Победа и поражение - дело случая, фортуны. И глупцом будет тот, кто упустит свой шанс, помогая

противнику выйти из затруднительного положения (падение, поломка или потеря оружия, ранение). Дуэльный кодекс французских дворян XVI в. полностью отражает их представления о "праве" оружия и силы как последнем доводе не только в делах чести, но и в повседневной жизни, при решении любых конфликтов.

Стоит отметить, что итальянские и испанские дуэльные трактаты с 1585 г. перестали переиздавать во Франции. Во многом это объясняется не столько ослаблением интереса общества к теме дуэли, сколько полной оторванностью этих трактатов от современных реалий и правил поединка. Что касается французских авторов, то, пожалуй, за исключением сочинения Сципиона Дюплеи, среди более чем 30 книг на дуэльную тематику, вышедших во Франции с 1585 по 1650 г., нет трактатов, посвященных дуэльным кодексам и иллюстрирующих дуэльную практику. Более того, среди авторов "дворяне шпаги" составляют меньшинство; нет ни одного апологета или защитника дуэли. Дворяне - приверженцы дуэли не оставили никакого следа в литературе конца XVI - начала XVII в., т.е. в период максимального распространения дуэли во Франции. Ф. Биллакуа объясняет это необразованностью большей части дворянства и отсутствием в целом дворянской культуры⁷⁶. С этим можно в целом согласиться, тем более что для человека, ведущего "диалог" посредством шпаги, перо и литературная полемика редко становится средством ведения дискуссии. Тем не менее в устной традиции существовал реальный дуэльный кодекс. На наш взгляд, он уже не нуждался в письменной фиксации. Во-первых, потому, что дуэль к последней четверти XVI в. становилась все более нелегальной и начинала преследоваться законом. Во вторых, дуэль сама по себе была уделом избранных, почитающих себя истинными дворянами и нуждающихся именно в этом средстве защиты чести. По сути, дуэль всегда была достоянием той части дворянства и тех категорий населения, которые считали оружие нормой своего существования. В этом случае уже само знание законов чести, дуэльного кодекса и умение следовать им - знак принадлежности к этой категории избранных.

¹ *La Noue F.* Discours politiques et militaires. Basel, 1587. P. 244.

² *Jouanna A.* Histoire des elites en France du XVI au XX siecle: l'honneur, le merite, l'argent. P., 1991. P. 38; *Billacois F.* Le duel dans la societe franchise des XVI-e-XVIII-e siecles. Essai de psychosociologie historique. P., 1986. P. 394-397.

³ В данной статье мы не трактуем дуэль как социальное явление, а ее роль в дворянской среде как средство социально-групповой дифференциации, поскольку этому аспекту была посвящена другая статья (см.: *Новоселов В.П.* Дуэль и социальная репутация во Франции XVI в. // *Право в средневековом мире.* СПб., 2000).

⁴ *Brantome.* Oeuvres completes. La Haye, 1740. T. XI. P. 111, 113; *Muzio Girolantif.* Le combat de Mutio Iustinopolitain avec les responses chevalresses, traduit nouvellement d'Italien en Francoys par Antoine Chappuis. Lion, 1561. P. 4; *Du Pleix Scipion.* Les loix militaires touchant le duel. P., 1602. P. 114.

- ⁵ *Brantome P.* Op. cit. T. XL P. 111. *Matta(ucn.)*, buisson, hayemazza (*неаполит.*), кустарник. Bataille en bestes brutes - qui se vont precipitter a la mort comme bestes.
- ⁶ Стоит отметить, что итальянцев (лангобардов) считали родоначальниками и судебного поединка.
- ⁷ *Cloulas I.* L'Italie de la Renaissance. P., 1993. P. 347-349.
- ⁸ *Muzio Girolamo.* Op. cit. P. 99.
- ⁹ *Ibid.* P. 167.
- ¹⁰ *Ibid.* P. 99, 105.
- ¹¹ *Ibid.* P. 154-157, 159-160.
- ¹² *Ibid.* P. 43, 58, 144-145.
- ¹³ *Ibid.* P. 129, 144-145.
- ¹⁴ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 1: "J'ai entrepris ce discours sur ce que j'ay veu souvent faire cette dispute parmy de grands capitaines, seigneurs, braves soldats, scavoiron, si l'on doit pratiquer grandes courtoisies et en user parmy les duels, combats, camps clos, estaquades et appels".
- ¹⁵ *Du Pleix S.* Op. cit.
- ¹⁶ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 111,113; *Muzio Girolamo.* Op. cit. P. 167; *Du Pleix S.* Op. cit. P. 114; Collection des memoires relatifs a l'histoire de France. P., 1822. T. XXIV. P. 199.
- ¹⁷ *Fontanon A.* Les edicts et ordonnances des rois de France. P., 1585. T. 1. P. 644. De la defense du port des armes, § LXVI: "...si lesdicts sujets ont aucunes querelles d'honneur les uns centre les autres, qui ne se puissent vuider par justice, se retirent par devers pour nous en faire remonstrance, et en obtenir de nous telle permission qu'il nous plaira leur octroyer".
- ¹⁸ *Ibid.* T. III. P. 644-645.
- ¹⁹ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 133: "Aussi y a-t-il difference en un combat ceremonieux conditione et solemnise de juges, de maistres-de-camp, de parrains et confidans, et celui qui se font l'escart sans aucuns yeux, et au champs, la out tout est de guerre".
- ²⁰ *Ibid.* P. 113: "Si aux combats a outrance precedens que j'ai dit s'exercoient peu de courtoisies, en combats de la mazza et d'appels, il s'en est trouve et veu aussi peu et se sont peu pratiquees".
- ²¹ *Ibid.* P. 177.
- ²² *Ibid.* P. 157.
- ²³ *Ibid.* P. 67-70, 187.
- ²⁴ *Ibid.* P. 209-210.
- ²⁵ *Ibid.* P. 71-72: "Ha! Que si de ce temps la noblesse francaise fut ete aussi bien apprise et experte aux esmeutes et seditions, comme elle l'a ete depuis les premieres guerres".
- ²⁶ *Ibid.* P. 162-163. ²¹ *DuPlexS.* Op. cit. P. 185.
- ²⁸ *Brantome Pierre de Bourdeille de.* Op. cit. T. XI. P. 211.
- ²⁹ *Ibid.* P. 167.
- ³⁰ *Du Plex S.* Op. cit. P. 167-187.
- ³¹ *Ibid.* P. 157-158,160,178. Интересно, что противник дуэлей Сципион Дюплекс в этом вопросе гораздо категоричней Брантома, допускающего эту "куртуа-ность". Дюплекс пишет, что если строго следовать законам поединка, то в бою надо пользоваться любым преимуществом: поражать противника, если тот случайно упал или если у него сломалось оружие. Если противник явно слабее, но при этом отказывается сдаться и отдать оружие, он должен быть убит (*Ibid.* P. 183-184, 186).

- ³² *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 159, 81: "...tels coup d'espargne pour la premiere fois, mais nullement pour la seconde, ou Ton doit fermer les yeux a tout mercy et misericorde".
- ³³ *Ibid.* P. 189; *Du Pleix S.* Op. cit. P. 142. Сам Дюплеи не рекомендует вообще оставлять противника в живых, иначе это обязательно спровоцирует новый поединок или просто убийство.
- ³⁴ *Brantome P.* Op. cit. T. XI, P. 209-210.
- ³⁵ *La Noue F.* Op. cit. P. 245.
- ³⁶ *Brantome P.* Op. cit. T. XL P. 209.
- ³⁷ Collection des memoires relatifs a l'histoire de France. P., 1822. T. XXIV. P. 199.
- ³⁸ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 80-82.
- ³⁹ *Ibid.* P. 112; *Fontanon A.* Op. cit. T. 1. P. 644. Francois I et 1532. De la defense du port des armes. § LXVI; T. III. P. 109. § X.
- ⁴⁰ *Muzio G.* Op. cit. P. 100, 105.
- ⁴¹ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 112.
- ⁴² Тяжелый, широкий клинок рапиры XVI в., заточенный наподобие наконечника стрелы, обладал большой пенетриальной силой (силой проникновения). Удар таким оружием (как колющий, так и рубящий) в случае поражения часто был смертельным, вызывая обильное кровотечение, обширное повреждение тканей тела и жизненно важных внутренних органов, сильный болевой шок. Заживление ран от такого оружия протекало крайне тяжело и долго. При оценке военных медиков XIX в., характер ранений, наносимых рапирой и широкой шпагой XVI в., аналогичен ранениям кавалерийской саблей. В XIX в. дуэль на саблях считалась наиболее опасной и была мало распространена по сравнению с дуэлями на пистолетах, шпагах и рапирах. Дуэль на саблях практиковалась почти исключительно в среде армейских офицеров. Не случайно число смертей и тяжесть ранений на дуэлях во Франции резко сократилась после того, как в первой половине XVII в. в обиход вошли легкие дуэльные рапиры и шпаги с граненым или узким, не заточенным по лезвию плоским клинком.
- ⁴³ Collection de memoires relatifs a l'histoire de France. T. XXIV. P. 31, 33; *Billacois F.* Op. cit. P. 107.
- ⁴⁴ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 98.
- ⁴⁵ *La Noue F.* Op. cit. P. 245.
- ⁴⁶ Collection des memoires relatifs a l'histoire de France. T. XXIV. P. 29; *Монтень М.* Опыты. М., 1997. Т. 1. С. 820-821; GDT. Discours des duels avec l'arret de la Cour de Parlement de Tolose, fait sur iceux. Tolose, 1602. P. 54.
- ⁴⁷ Collection des memoires relatifs a l'histoire de France. T. XXIII. P. 174; T. XXIV. P. 28, 29.
- ⁴⁸ *La Noue F.* Op. cit. P. 245.
- ⁴⁹ *Pressac, seigneur de.* Le Cleandre ou de l'honneur et de la vaillance. Rouen, 1604. I P. 177; GDT. P. 25.
- ⁵⁰ *Монтень М.* Указ. соч. Т. 1. С. 819.
- ⁵¹ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 146, 225.
- ⁵² Обучение в школах фехтования XVI в. было строго индивидуальным, подбирались и отработывались приемы, подходящие для психофизических возможностей конкретного ученика. Брантом пишет, что у мастеров фехтования существует давняя традиция, по которой во время занятий никто не только не допускается в комнату или зал, где они проводятся, но и тщательно следят за тем, чтобы никто не мог подсматривать. Учителя фехтования не продают за деньги своих секретов и не рассказывают по дружбе о тех приемах, которым они кого-либо обучили (*Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 93, 98).

- ⁵³ *De Pleix S.* Op. cit. P. 171-172.
- ⁵⁴ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 131; *Монтень М.* Указ. соч. Т. 1. С. 818.
- ⁵⁵ *Монтень М.* Указ. соч. Т. 1. С. 817-818; *Гендриков В.Б.* Понятие чести у Монлюка и Монтеня // *Средние века.* М., 1989. Вып. 52. С. 240.
- ⁵⁶ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 121-122.
- ⁵⁷ *Du Pleix Scipion.* Op. cit. P. 177, 179.
- ⁵⁸ Разнимать дерущихся Брантом считает абсолютно недопустимым. В-первых, "ничто так не приводит в ярость доблестного и бравого человека, ничто так его не оскорбляет, как то, когда ему прерывают удар и препятствуют намерению сражаться", а, во-вторых, обычно это заканчивается тем, что дерущиеся совместно обращают оружие против разнимающих (*Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 173: "...bien souvent a tout de meme a aucunes ce que je viens de reconter, et s'entreaccorder a tuer le separant; n'estant rien si fascheux a un vaillant et brave homme et offence, que qund on lui rompt son coup et son desseing d'armes").
- ⁵⁹ *Du Pleix S.* Op. cit. P. 179; *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 123.
- ⁶⁰ Henri II "Centre tous les meurdres et assassinements qui se commettent journellement" 15 juillet 1547, Paris, j. Andre, non pagine (in. 12).
- ⁶¹ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 224-225.
- ⁶² *Cloulas I.* Op. cit. P. 347-348.
- ⁶³ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 224-225, 226.
- ⁶⁴ *Corvisier A.* Armee et societes en Europe de 1494 a 1789. P., 1976. P. 14.
- ⁶⁵ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. VII. P. 128: "Sang... ne peut mentir et y commende la vengeance en quelque facon que ce soit. Mais, tels coups se doivent faire a la chaude en non de sang froid".
- ⁶⁶ GOT. P. 32.
- ⁶⁷ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 224-225.
- ⁶⁸ *Ibid.* P. 190.
- ⁶⁹ *Ibid.* P. 96: "Supercherries d'armes sont cent fois pires que celles qu'on fait assassinant les personnes aux cantons des rues, ou en coing de bois, et ne sont nullement pardonnables".
- ⁷⁰ *Ibid.* T. X. P. 214-218.
- ⁷¹ *La Noue F.* Op. cit. P. 247.
- ⁷² *Ibid.* P. 197: "...l'universelle disposition de la noblesse, qui de toute anciennete a merueilleusement celebre les armes, comme les dignes instrumens qui l'elevent aux grandes honneurs".
- ⁷³ *Brantome P.* Op. cit. T. XI. P. 413: "Les plus reformez chrestiens et reserrez religieux... disent qu'il faut oublier les offenses, selon Dieu et sa parole. Cela est bon pour des hermites et recolets, et non pour ceux qui font profession de vraye noblesse et de porter une espee au coste, et leur honneur sur sa pointe".
- ⁷⁴ *Du Pleix Scipion.* Op. cit. P. 180.
- ⁷⁵ *Monluc B.* Commentaires 1521-1576. Lyon, 1593. T. 1. P. 396: "...contre son ennemy on peut de tout bois faire fleches. Quand a moy, si je pouvoy appeller tous les esprits des Enfers, pour rompre la tete a mon ennemy, qui me veut rompre la mienne, je le feroiy de bon coeur, Dieu me le pardoint".
- ⁷⁶ *Billacois F.* Op. cit. P. 193, 218.